

В артистической с Ириной Макаровой

Редко, слушая музыку, начинаешь думать и о композиторе, и о его эпохе. Тем более если за пультом Теодор Курентзис, даже внешне яркий оригинал, человек непредсказуемой мимики, иногда забавляющей оркестрантов (правда, все реже — поумнели). Зато предсказуемо четкого дирижерского жеста. Настояль-

ко выразительного, что, кажется, чего тут махать руками — можно просто, подняв их, подавать оркестру знаки одними длиннющими пальцами.

В общем, внешность, прямо скажем, отвлекающая. Однако именно на этом концерте в Большом зале консерватории Курентзис продемонстрировал такую го-

товность полечь на неохватном поле битвы, такое желание вложить в так называемую симфонию все страдания (включая интеллектуальные) Малера, а заодно и свои собственные, что зал упивался его экстазом. И в пору было вспомнить перелом эпох столетней давности, когда и сам Малер служил дирижером, сгорал за пультом, а за композитора его тогда особо и не почитали...

В самом деле, кто у нас сейчас, кроме Гергиева, способен подвергнуть слушателя заманчивой попытке отдать себя на растерзание чрезмерно эмоциональному дирижеру? Энергетические затраты колоссальны; не потерять при этом меру вкуса, дотянуть замысел до конца и, несмотря на явные потери (при тонкой выделке хватает и бесстрашно-крупного помола) столь же явно выйти победителем, которого не судят — это из московских дирижеров умеет сейчас только загадочный Теодор.

Абонемент «Линия жизни и метафизика судьбы», названный так хозяином (т. е. главным дирижером) Национального фи-

лармонического оркестра России Владимиром Спиваковым, будто бы оправдал свое претенциозное название.

Не пожалев публику, Курентзис не стал делать антракта, охватив в одном отделении все шесть частей гигантского философского полотна, обозначенного симфонией лишь для того, чтобы хоть названием протиснуться в общеизвестный формат.

Даже безмятежность природы оказалась чреватой, тревожной (в самом деле, а не такова ли живая природа?) Дирижер не давал покоя ни на секунду, не говоря уж о том, что этот молодой любитель эффектного фортиссимо и экзотических финалов получил в полное распоряжение все возможности продемонстрировать свое упоение полнотвучием.

Страшноватое темное меццо Ирины Макаровой, с недобрим взглядом хорошей актрисы, певшей строки Ницше «О человек, внемли! Что говорит глухая полночь?», совсем уж увело от жанра. В общем, как говорил великий пианист Артур Schnabel, «искусство — не разно-

видность комфорта». Поистине так! Лишь на исходе Третьей симфонии публике было даровано счастье свободно вздохнуть на бесконечной мелодии «типичного» Малера и высунуть нос из философских дебрей.

Композитор Малер был очень маленького роста. Дирижер Курентзис — верста коломенская. Трактовки Малера, по свидетельству музыкантов-современников, никогда не выглядели спорными — в этом было его величие как дирижера.

Трактовки Курентзиса обречены быть спорными всегда. А ему, конечно, кажется, что они единственно возможные. Но какое счастье, что во времена дирижерской рутины кто-то пинает тебя длинной ногой: «Эй, не спи! Слышишь, как они мучались? И ничто с тех пор не изменилось...»

Следующий концерт длиннотного романтика — 4 декабря. Будет «Свадебка» Стравинского и фрагменты оперы «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича. Жди встряски.

Наталья ЗИМЯНИНА

Некомфортный Теодор

Вед. Москва - 2004
- 10 нояб.
- с. 6

ГРЕЧЕСКИЙ МОСКВИЧ-ОРИГИНАЛ С УСПЕХОМ ПРОДИРИЖИРОВАЛ ТРЕТЬЕЙ СИМФОНИЕЙ МАЛЕРА

ФОТО РОМАНА ГОНЧАРОВА

Курентзис Теодор

10. ноя